

**Михаил
Васильевич
Ломоносов**

Игорь Николаевич Сухих

SHOUT **IT**
SHARE

Михаил Васильевич Ломоносов¹ 1711-1765

Годы: от рыбака до академика

Современники и потомки не скупились на характеристики Ломоносова. Его сравнивали с античными одописцами Пиндаром и Вергилием, со знаменитым живописцем эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, с Галилеем и Гёте.

Ломоносову находили и русские параллели. “Петром Великим русской литературы” назовет его В. Г. Белинский. Ф. М. Достоевский предложит уже собственно литературный ряд: “Бесспорных гениев, с бесспорным “новым словом” во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь” (“Дневник писателя”. 1877. Июль–август. Глава вторая).

А сам бесспорный гений следующей эпохи, много думавший как об императоре Петре, так и о Ломоносове, оставил восторженные и в то же время точные отзывы о нем. “Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и, наконец, открывает нам истинные источники нашего поэтического языка...” (А. С. Пушкин. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова, 1825).

Через десятилетие поэт предложил другую замечательную формулу: “Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом” (А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, 1834).

Уникальность ломоносовской судьбы — не только в разнообразии занятий и достижений, благодаря которым его сравнивали с титанами эпохи Возрождения. Она и в другом, в поразительной борьбе с неблагоприятными обстоятельствами, в невероятной жизненной траектории, уложившейся всего в 53 года.

Михаил Васильевич Ломоносов был единственным сыном зажиточного крестьянина-помора. Он родился на севере, близ села Холмогоры Архангельской губернии 8 (19) ноября 1711 года. Судьба вроде бы предначертала ему путь обычного выходца из крестьянской семьи. Он рано начал заниматься каждодневным сельским трудом: пас скот, помогал в поле и на постройках. Уже с десяти лет он начал ходить на отцовском судне на рыбный промысел.

Биографии многих знаменитых писателей и ученых начинаются с неистового увлечения книгой. По легенде, обучавший мальчика дьячок вскоре упал перед ним на колени, признавшись, что больше ничему не может его научить.

Поначалу любимым чтением Ломоносова были жития святых, но в доме односельчанина обнаружили и две светские книги, которые мальчику с большими трудами удалось получить: “Грамматика” М. Смотрицкого и “Арифметика” Л. Магницкого. “От сего самого времени, — вспоминал современник, — не расставался он с ними никогда, носил везде с собою и, непрестанно читая, вытвердил наизусть. Сам он потом называл их вратами своей учености” (М. И. Веревкин. Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова, 1784).

На почве чтения произошел и семейный конфликт. Через много лет в письме покровителю Ломоносов будет вспоминать: “Я <...> имеючи отца, хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных местах и терпеть стужу и голод, пока не ушел в Спасские школы” (И. И. Шувалову, 31 мая 1753 года).

Рассказанное Ломоносовым напоминает сказочную фабулу: добрый, но слабохарактерный отец, злая мачеха (родная мать умерла, когда мальчику было семь или восемь лет), трудолюбивый, жаждущий учения отрок, вынужденный бежать из дома. Но других источников о жизни Ломоносова в эти годы нет. Можно лишь догадываться, что подтолкнуло юношу (ему уже 19 лет) совершить один из главных поступков в жизни. В конце 1730 года Ломоносов уходит с караваном мороженой рыбы в Москву.

Ровно через столетие Пушкин торжественным гексаметром опишет это событие в коротком стихотворении-эпиграмме “Отрок”:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!

Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:

Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Этот уход (или побег) стал возможен в том числе и по социальной причине: Русский Север никогда не знал крепостного права, там жили свободные крестьяне. “Родись Ломоносов в какой-нибудь помещичьей деревне центральной России, ему, пожалуй, не пришлось бы сопровождать своего отца дальше, чем до господской усадьбы и до господской пашни, — с полным основанием предположил Г. В. Плеханов. — Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно *архангельским* мужиком, *мужиком-поморцем*, не носившим крепостного ошейника” (“М. В. Ломоносов”, 1915).

Тем не менее при поступлении в Славяно-греко-латинскую академию (ее также называли Спасскими школами) Ломоносову пришлось выдать себя за сына дворянина. Потом он побывает и сыном попovichа и лишь после специального следствия вынужден будет назвать свое истинное происхождение.

Москва и академия стали началом новой жизни. Странствия по северным морям сменились скитаниями по России и Европе. Теперь ломоносовская жизнь напоминает уже не волшебную сказку или балладу, а приключенческий роман или “роман испытания”.

На первых порах в Москве великовозрастный ученик терпит лишения, преодолевает многочисленные преграды, но его страсть к познанию, “алчное любопытство” (А. Н. Радищев) лишь укрепляется. “Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели, — вспоминал Ломоносов. — С одной стороны, отец, никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться!” (И. И. Шувалову, 10 мая 1753 года).

За эти пять лет “болван” прошел шесть классов гимназии,

прочел множество книг, одолел латынь, пробовал писать стихи, съездил “за наукой” в Киев, собирался в путешествие по России. В конце 1735 года как один из лучших учеников он был отправлен для продолжения образования в обезлюдевшую после смерти Петра I Академию наук. Но через несколько месяцев он уже плывет в Германию для обучения горному делу.

Там снова были голод и безденежье, странствия по чужой стране, веселые пирушки, тайная женитьба, насильная вербовка в прусскую армию, отчаянный побег — и постоянные научные занятия. В 1741 году в Петербург возвращается разнообразно образованный человек, готовый служить Родине на научном поприще. В одном из поздних писем Ломоносов скажет про “истинную и врожденную мою любовь и ревность к отечеству и к наукам, которая всего чувствительнее в моем сердце” (М. И. Воронцову, 30 декабря 1759 года).

Жизнь Ломоносова снова переломилась. Странствия и приключения сменились странствиями мысли. В этой третьей ломоносовской жизни были, конечно, и внешние события, научная и литературная борьба. Но главным делом в эти десятилетия становится научная работа, сжигающий Ломоносова пафос познания.

В 1742 году Ломоносов был зачислен в штат Петербургской академии наук адъюнктом (ассистентом) физики. Но уже в 1745 году он становится профессором (академических профессоров называли и академиками) химии. Однако этим круг его академических занятий не ограничивается. Для Ломоносова-ученого словно не существует понятия невозможного. Он берется за все, всюду успевает, постоянно пытается что-то сделать, открыть, понять. Он проводит химические опыты и эксперименты по исследованию атмосферного электричества (во время одного из них был убит молнией соратник Ломоносова профессор Рихман). Он пишет “Российскую историю” и письмо-трактат “О сохранении и размножении российского народа”. Он организует мозаичную фабрику (для чего пришлось проделать около четырех тысяч опытов) и хлопочет о создании Московского университета и гимназии при нем.

Полное собрание сочинений Ломоносова составляет десять огромных томов. Туда входят работы по физике и химии, астрономии и лесной науке, металлургии, географии, истории и, конечно, стихи и филологические работы.

Ломоносов был настоящим сыном своего века, века Просвещения и классицизма, с его культом Разума, Государства, общего блага. В его бурной, лихорадочной деятельности как-то терялась, исчезала отдельная человеческая судьба. “Дух личной

независимости очень хорошо уживался в Ломоносове с почти полным <...> равнодушием к основным вопросам общественного устройства, — заметил Г. В. Плеханов. — Исходной точкой для всех <...> проектов служит государственный интерес. Собственный интерес жителей уходит из поля зрения (“Ломоносова” (М. В. Ломоносов)).

Великий ученый, как и многие в XVIII веке, верит в необходимость просвещенной монархии. Он не посягает на социальную структуру даже в мыслях (как это чуть позднее сделает А. Н. Радищев), он естественно вживается в нее. Путь к вершинам просвещения видится ему в индивидуальном порыве при создании благоприятных условий.

Однако в силе остается вопрос: мог ли повторить путь Ломоносова талантливый крепостной мальчишка из курской или орловской деревни, из тех мест, где происходит действие тургеневских “Записок охотника”? Или для того, чтобы поступить в основанный Ломоносовым университет, ему надо было подождать еще столетие?

Ломоносов тем не менее до конца жизни помогал устраиваться в Петербурге и искать себе дело по склонностям землякам и родственникам.

Когда-то, перед уходом Ломоносова в Москву, сосед Иван Шубный одолжил юноше три рубля. В 1759 году в Петербурге — по стопам Ломоносова, с обозом мороженой трески — появился его сын Федот. С помощью Ломоносова он начал свою карьеру в столице с должности придворного истопника, но вскоре обнаружил талант художника, стал известным резким по кости и скульптором, создавшим один из лучших скульптурных портретов Ломоносова (1793).

Племянник Ломоносова, М. Е. Головин, поступил в академическую гимназию в год смерти дяди и впоследствии стал известным физиком-методистом, по учебникам которого училось несколько поколений русских школьников.

Для истории русской культуры важны не только деятельность Ломоносова, но и его образ, пример его фантастической судьбы. Жизнь в данном случае разыграла счастливый сюжет “романа карьеры”: человек из низов, провинциал, преодолевая множество препятствий, находит свое призвание и приносит славу себе и отечеству.

Последней главой в революционной книге А. Н. Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” (1790) является “Слово о Ломоносове”. Хотя многое в деятельности Ломоносова Радищев воспринимает критически (с ним потом спорил Пушкин), разговор о нем является свидетельством громадной

потенциальной силы и талантливости народа, страдающего в цепях дикого рабства

В середине следующего века появляется некрасовский “Школьник” (1856). Рассказ о босоногом крестьянском мальчишке, идущем на учение в город, завершается раздумьем-напутствием:

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!
<...>

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай...

В конце XIX века еще один мальчик, герой повести А. П. Чехова “Степь” (1888), услышит от своего спутника похожие слова: “Ничего, ничего, брат... Ломоносов так же вот с рыбаками ехал, однако из него вышел человек на всю Европу”.

Уже в XX веке сходным образом сложилась судьба сибирского мужика В. М. Шукшина, уже в зрелом возрасте поступившего в Институт кинематографии и ставшего известным писателем, кинорежиссером, актером. Недаром Шукшин любил некрасовское стихотворение и использовал его в одном из своих фильмов.

Путь Ломоносова, шагнувшего из безвестности к вершинам науки и культуры, стал путеводной звездой для многих талантов во глубине России.

Оды: ямбов ломоносовских грома

Ломоносов не только был одним из первых русских поэтов Нового времени. Он (совместно с В. К. Тредиаковским) разработал принципы силлабо-тонического стихосложения, которые в главных чертах сохранились и сегодня.

В 1739 году никому пока не известный студент Михайло Ломоносов прислал в Академию наук из Германии “Письмо о правилах российского стихотворства”, в котором были изложены

основы новой стиховой системы, призванной заменить привычный для русской поэзии XVII века силлабический стих. К теоретическим размышлениям был приложен практический образец: “Ода блаженная памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года”:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Основой этого произведения послужило взятие русскими войсками турецкой крепости в Молдавии. Однако его значение шире: Ломоносов фактически заложил основы главного жанра русской поэзии XVIII века — *торжественной оды*.

Поводом оды становится какое-то важное для государства событие: восшествие на престол, день рождения или бракосочетания царствующих особ. Но предмет, тематика оды разнообразна. Это событие включается в широкий контекст, позволяя поэту нарисовать пейзаж или картину сражения, обсудить какую-то общественную идею, поразмышлять о роли искусства и даже собственной жизни (поэтому ода была, как правило, жанром пространным, монументальным, в первой ломоносовской оде 28 строф). Но все эти темы диктовались общей установкой искусства классицизма: созданием *обобщенной, идеализированной картины мира, подчиненной требованиям Разума*. Поэтому обязательным для оды считались *высокий стиль* (достигавшийся прежде всего за счет использования церковнославянизмов) и *ораторская интонация* (требовавшая не столько чтения, сколько декламации, скандирования).

У Ломоносова и других одописцев XVIII века ода имела и формальный признак — *одическую строфу*. Так называли десятистишие с рифмовкой АБАб + ВВгДДг. Легко заметить, что десятистишие распадается на четверостишие и шестистишие, по типу рифмовки тоже напоминающее четверостишие с наращением двух стихов. Обычно в четверостишии одической строфы формулировалась ее тема, а в шестистишии развивалась и

конкретизировалась.

Оды Ломоносова (в отличие от его современников А. П. Сумарокова и В. К. Тредиаковского) отличаются индивидуальными признаками. Они более свободны от обязательных требований как в композиции, так и в создании отдельных образов. Для ломоносовской оды характерно, как говорил он сам, “сопряжение далековатых идей” (“Краткое руководство к красноречию...”, 1748).

“Восторг внезапный ум пленил...” Первый стих первой ломоносовской оды уже дает замечательную формулу жанра: рациональный подход (ум) подчиняется свободе, поэтическому вдохновению (*восторг внезапный*).

“Из памяти изгрызли годы / За что и кто в Хотине пал. / Но первый звук Хотинской оды / Нам первым криком жизни стал”, — напишет через два столетия В. Ф. Ходасевич (“Не ямбом ли четырехстопным...”, 1938).

Одной из вершин ломоносовского творчества в жанре торжественной оды стала “Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года”.

XVIII век был эпохой дворцовых переворотов и недолгих царствований. Ломоносову довелось жить при восьми правителях России. Четырем из них, включая не-долго правившего Петра III, он успел посвятить торжественные оды.

Елизавета, дочь Петра I и Екатерины I, захватила престол в 1741 году в результате дворцового переворота и была не худшей правительницей России в этом бурном веке. И в этой, очередной, оде, Ломоносов в соответствии с традицией создает не реальный, а *идеализированный* образ императрицы как мудрой правительницы России.

Она одержала военную победу и возвратила в страну мир и спокойствие. “Великая Петрова дочь” покровительствует наукам и искусствам. Держава при ней благоденствует.

Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О как Тебе благодарит!

Однако прославление императрицы занимает в композиции оды скромное место. Начав с персонифицированного образа Тишины (первая и начало второй стро-фы), поэт уже в седьмой—десятой строфах обращается к Петру, потом упоминает его жену, недолго царствовавшую Екатерину I, но уже в середине оды, с

тринадцатой строфы, почти забывает об императрице, обращая свой восторг на иные предметы.

Ломоносов создает образ бескрайних российских пространств с великими, не уступающими Нилу реками, богатством лесов и недр, упоминает Колумба Российского, исследователя Камчатки А. И. Чирикова. Эта грандиозная панорама увенчивается выводами: прославлением науки и надеждой на появление собственных, российских философов и ученых.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Лишь в последней строфе Ломоносов вспоминает об императрице, завершая композиционное построение.

Таким образом, главному предмету *Елисавет*, в “Оде на день восшествия...” посвящено, в сущности, всего пять строф из двадцати четырех. Во всех остальных главным лицом оказывается сам Поэт и его направленный на разные предметы *восторг внезапный*.

Посылая оды адресатам, автор часто в соответствии с придворным этикетом подписывался: “всеподданнейший раб Михайло Ломоносов”. Но в самом художественном тексте позиции сторон обычно резко меняются. После нескольких обязательных похвал очередная царствующая особа оказывается в роли послушного ученика, а поэт воспаряет, превращается в

учителя и пророка, в грандиозных, лихорадочных стихах и образах представляющего программу преобразования русской жизни. “За бледными фигурами “безликих” самодержцев встает единственная Героиня одической поэзии Ломоносова — великая и необъятная Россия” (А. А. Морозов. Ломоносов, 1965).

Вторым важным жанром русской поэзии XVIII века была *духовная ода*. Изначально так называли стихотворные переложения библейских текстов, прежде всего религиозных песнопений, псалмов. У Ломоносова есть и такие произведения. Но тематика духовной оды у русских поэтов расширяется. Обычно под духовными одами понимались *стихотворения-размышления*, не обязательно связанные с религиозной тематикой.

Издавая свое собрание сочинений, Ломоносов включил в число духовных од “Утреннее размышление о Божием Величестве” и “Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния” (обе 1743), в которых предметом лирики стали научные идеи.

“Утреннее размышление...” описывает процессы, происходящие на Солнце: “горящий вечно Океан”, в котором “огненные валы стремятся / И не находят берегов”. Но в последних строфах Ломоносов-поэт отодвигает в сторону ученого. Метафорическое, но все-таки объективное описание физических явлений сменяется восторгом созерцателя пред красотой мира и величием создавшего его Творца.

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
“Велик Зиждитель наш, Господь!”

Но в финале оды ученый снова напоминает о себе. Оказывается, Бог должен выступить в роли учителя, вырвать человека из тьмы незнания, научить его творить, вдохновить на познание, в том числе и самого Бога.

Творец! Покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный Царь.

“Вечернее размышление...” дает объективную тему прямо в заголовке: речь пойдет о северном сиянии. Ломоносов наблюдал их еще в детстве. Через десятилетие он опишет это явление и в сугубо научной работе “Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих” (1753).

Но опять описание конкретного физического явления ведется на высоком поэтическом языке, пронизано “восторгом внезапным”.

Ода начинается с грандиозной, даже не географической, а *космической картины*: созерцание заката превращается в чувство удивления, растерянности человека перед бездной вселенной.

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Далее кратко воспроизводятся несколько таких научных мыслей: от идеи многообразия галактик (“Там разных множество светов, / Несчетны солнца там горят”) до размышления о причинах северного сияния, которое заявлено как тема оды (“Там спорит жирна мгла с водой; / Иль солнечны лучи блещут, / Склонясь сквозь воздух к нам густой; / Иль тучных гор верьхи горят”).

Но определяющими для поэта являются не ответы, а вопросы. Изложив точку зрения “премудрых” на многообразие вселенной, поэт ставит ключевой вопрос: “Но где ж, натура, твой закон?” И дальнейшее развитие оды — цепь риторических вопросов, завершающаяся философским: “Скажите ж, коль велик Творец?”

Однако величие Творца, в котором Ломоносов убежден (здесь пафос “Утреннего...” и “Вечернего...” размышлений совпадают), не отменяет как необходимости научного познания (в том числе и северных сияний), так и поэтического творчества (поэтому для Ломоносова эти натурфилософские оды дополняют переложения псалмов).

В торжественных одах Ломоносова представлен образ *Поэта*-

гражданина, в одах духовных возникает образ *ученого* и *философа*, охваченного тем же внезапным восторгом познания и лирического вдохновения.

Начальный мотив “Вечернего размышления...” — сияющее звездами ночное небо, бездна вселенной, в которой тонет, растворяется человек, — станет важным для русской поэзии. По стопам Ломоносова пойдут Ф. И. Тютчев и А. А. Фет, Н. А. Заболоцкий и Б. Л. Пастернак. Ломоносов открывал новые пути не только в науке, но и в поэзии.

Ломоносов-поэт не всегда грандиозен, охвачен восторгом, преисполнен пафоса, воспекает величие России или натуры (природы). Вот еще одно его короткое стихотворение:

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.
 (“Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...”, лето 1761)

Однако и это изображение беззаботного счастливого насекомого, “ангела во плоти”, на которого поэт смотрит с завистью, имеет личный характер, вырастает из ломоносовской биографии. Стихотворение имеет длинный подзаголовок: “Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для академии, быв много раз прежде за тем же”. Возможно, хлопоты об академических привилегиях и в этот раз оказались неудачными. Но стихотворение о кузнечике тоже осталось в русской поэзии.

Ломоносова-поэта очень ценили современники и ближайшие потомки. Глядя на его портрет, его ближайший последователь Г. Р. Державин вспоминает величайших творцов античности: одописца, теоретика и автора ораторской прозы, эпического поэта.

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий — слава россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих где лишь черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром.

(“К портрету Михаила Васильевича Ломоносова”, 1779).

Однако уже в начале XIX века отзывы о творчестве Ломоносова становились все более скептическими, в то время как оценка его научной деятельности, напротив, повышалась. В эпоху создания нового поэтического языка, торжества других жанров, иного отношения к роли поэта ломоносовский пафос кажется чрезмерным, восторг — слишком громким и утомительным, неискренним, интонация — лишенной теплоты и искренности.

Ломоносов и другие литераторы его времени закладывали фундамент, начинали “нулевой цикл” русской поэзии. Об этих первых строителях часто забывают, когда здание уже построено.

Однако звук ломоносовской поэзии можно услышать и сегодня.

Российский стих — гражданственность сама.

Восторг ума, сознание пользы высшей!

И ямбов ломоносовских грома

Закованы в броню четверостиший.

(Д. Самойлов. Стихи и проза, 1957–1974)

Ему было тяжело. Он был первый.

“Отец русской поэзии, патриарх русских поэтов”

(В. Г. Белинский Сочинения Державина, 1843) .

“Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги”

(Н. В. Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность, 1846).